

Анатолий Горбатюк

Письмо из 43-го, или Хроники сестер Дорфман

Над моим столом висит несколько старых фотографий. Вот одна из них – 3 девчушки в одинаковых платьицах. На обороте бабушкиным четким почерком сделана надпись: «Полине 8 лет, Кате 7 лет, Лизе 6 лет». Получается, фотография сделана в 1909 году...

* * *

...На это письмо я наткнулся, разбирая мамины документы после ее кончины. Сначала меня поразил сам конверт, в котором письмо пролежало много лет. Склеенный из грубой серой бумаги, своим видом он вступал в явное противоречие с четким, очень красивым каллиграфическим почерком, которым был надписан. На обратной стороне конверта – штамп «Просмотрен Военной Цензурой», где каждое слово почему-то написано с заглавной буквы. Из Ворошиловоградской (уже давно – опять Луганской) области, только что освобожденной от немецко-фашистских оккупантов, в Петропавловск (Северный Казахстан), куда занесла нас шальная волна эвакуации, письмо, судя по почтовым штемпелям, пришло всего через 20 дней, что по нормам военного 1943-го года – достаточно быстро.

Автор письма – начальник почтового отделения поселка Брянский Рудник Григорий Митрофанович Бузак. Уделим несколько строк этому неведомому читателю географическому пункту, благо сейчас мы в состоянии это сделать.

...Целых четыре года поселок Брянский Рудник обладал одной (зато живой!) достопримечательностью – именно столько

времени в самом конце XIX века служил на руднике конторщиком известный писатель, драматург и сатирик Аркадий Тимофеевич Аверченко, умерший впоследствии в Праге совсем молодым в 1925 году, не дожив нескольких дней до собственного сорокапятилетия. Совершенно очевидно, знаменитому юмористу во время пребывания в поселке Брянский Рудник было совсем не до шуток, о чем свидетельствует его следующие воспоминания: «Это был самый грязный и глухой рудник в свете. Между осенью и другими временами года разница заключалась лишь в том, что осенью грязь была там выше колен, а в другое время – ниже. И все обитатели этого места пили, как сапожники, и я пил не хуже других... Когда правление рудников было переведено в Харьков, туда забрали и меня, и я ожил душой и окреп телом». Впрочем, история с письмом, которую мы хотим поведать, тоже далека от юмора.

...Адресованное моей маме тогда, более семидесяти лет назад, письмо написано на каком-то разграфленном бланке желтосерой бумаги тем же изысканным почерком, каким сегодня уже никто не обладает. Оно стоит того, чтобы привести его, – если не полностью, то хоть в сокращенном варианте:

«На Ваше письмо, адресованное Вами на Аптеку № 25, которая пока не существует, я нашел нужным Вам сообщить следующее. Ваша сестра, Полина Яковлевна Дорфман, в зиму 1942-1943 гг. проживала в здании Аптеки и умерла от холода и голода, похоронена возле Аптеки в погребке, где хранились медикаменты (подвал под сараем). В зиму голод и захватчики... (несколько слов неразборчиво. – А. Г.) хуже зверей, очень много в «Брянке» и вообще в Донбассе погибло людей... Полину Яковлевну «добрые люди» обокрали (почти все вещи), и она сильно нуждалась. Я ей помог, пока была возможность, чем мог – и хлебом, и деньгами, а потом я сам ушел в деревню и там кое-как спасся от голодной смерти, а когда возвратился, ее уже не было в живых... История жизни на «Брянке» при этих зверях – страшная и жуткая, большинство людей разбежалось по селам, а над остальными творили произвол и издевательства полицаи под командой немцев...

Пока будьте здоровы, уважающий Вас Начальник почты «Брянский Рудник» Григорий Митрофанович Бузак»...

...Мамина сестра (моя тетя Полина, которую я, к сожалению, не помню) перед войной служила заведующей аптекой в шахтерском поселке Донбасса. По рассказам бабушки и мамы, была человеком добрым, очень любила детей, но своей семьи не имела. Когда началась война, она позвонила в Одессу и сказала, что будет эвакуироваться вместе с аптекой. Больше никаких контактов с ней не было...

Только в 1943 году на запрос моей мамы, сделанный на адрес аптеки поселка, пришел приведенный выше ответ. В 1945 году, когда война закончилась, в этом самом поселке Брянский Рудник побывал мой дядя, которому Григорий Митрофанович (автор письма) и другие местные жители рассказали, что произошло с его сестрой и моей тетей Полей...

...Эта местность дважды переходила от наших к фашистам и обратно. Перед тем как в первый раз спешно оставить поселок, председатель поселкового совета сказал заведующей аптекой: «Даю тебе, Полина, три часа на сборы. Возьми только самые главные лекарства, йод, бинты и вату. Я заеду в 5 часов». Ни в 5, ни в 6 часов председатель не появился (видимо, забыл в суматохе – столько дел в поселке, а все решает он), а в 8 часов на окраине появился первый отряд немецких мотоциклистов.

Заведующая аптекой быстренько перетаскала в глубокий подвал все, что собиралась увезти с собой, захватила имеющуюся скудную провизию и затаилась в погребе. Она слышала, как на следующий день в помещении аптеки загромыхали сапоги, как на немецком языке интересовались ее судьбой (немецкий она учила в гимназии), переводчик переводил, и сосед (она сразу узнала голос этого симпатичного русоволосого мужика) ответил: «Та втікла з ліками жидівка!»...

...Через неделю немцев выбили из поселка. Это было спасением, потому что продукты, как она их ни экономила, кончились еще позавчера, а последний глоток воды она выпила прошедшей ночью. Заведующая слышала взрывы и выстрелы совсем близко от своего убежища и очень боялась, так как всегда была страшной трусихой, но вскоре все стихло. Выбравшись осторожно из подвала, она увидела возле аптеки советских солдат, успокоилась и пошла искать начальство.

Какой-то усатый офицер ее рассеянно выслушал и сказал: «Того и гляди, поселок мы снова оставим. Никакого транспорта, тетка, я дать не могу – нужно раненых вывозить, поэтому бери ноги в руки и дуй отсюда подальше в тыл, тебе здесь оставаться никак нельзя». При этом офицер сделал ударение на слове «тебе». Заведующая аптекой неподдельно разволновалась, что-то говорила о хранимых ею лекарствах, а напоследок заявила, что она материально ответственная за них, и без этих лекарств никуда не уедет, на что усач только махнул рукой и очень понятно покрутил у виска указательным пальцем. Правда, в просьбе выделить немного продуктов не отказал, и заведующая поплелась в свою аптеку, неся в мешке несколько банок тушенки и две буханки хлеба...

На следующий день в поселок снова вошли фашисты. К заведующей местные жители относились очень тепло, помня ее доброту, особенно по отношению к детям, а потому не выдали, даже жалели, посчитав, что бедняжка тронулась умом: остаться на верную смерть из-за каких-то «зеленок и йодов». Только русоволосый сосед отобрал у нее все съестное и кое-что из вещей – совсем новое пальто, шерстяную вязанку, боты... Мелочь, в общем. Напрасно узнавший об этом начальник почты, который, хоть и не был ни коммунистом, ни евреем, чувствовал себя не очень уверенно, решил заступиться за аптекаршу. Русоволосый ничего той не вернул, а начальнику почты пригрозил огромным кулаком.

Какое-то время Григорий Митрофанович помогал заведующей, чем мог, а потом сам подался в бега – и от голода, и от угроз поступившего на работу в полицию ее симпатичного соседа. Как и сколько «охраняла» материальные аптечные ценности «божевільна» заведующая – никто сказать не смог.

Когда поселок был освобожден, в радостной суете о ней и не вспомнили сразу, а кинулись лишь приблизительно через месяц, по возвращении начальника почтового отделения. Вот тогда и нашли ее совершенно истлевшее тело, которое там же, в подвале, наспех и похоронили.

Созданная комиссия отметила, что все лекарства хорошо сохранились и точно соответствуют описи, оказавшейся при них. Они по акту были переданы новой заведующей. Через какое-то

время Полину Яковлевну Дорфман благодаря хлопотам Григория Митрофановича перезахоронили на кладбище за поселком.

Уже много лет Брянский Рудник, объединенный с одним или несколькими такими же поселками, носит гордое название Брянка и является городом областного значения Луганской области. На месте же давно канувшего в историческую бездну старого поселкового кладбища красуются величественные хрущевки. Вот такие дела...

* * *

Полина Яковлевна Дорфман, герой этого очерка, имела двух младших сестер-погодков: Августину (мою маму, которую в нашей семье называли Катей) и Елизавету.

Елизавета Яковлевна всегда жила с нами. Как и Полина, своей семье она не имела и всю свою нерастрченную нежность отдавала мне и моей старшей сестре. Я так и называл ее всегда – «моя вторая мама», и настоящая мама никогда не обижалась.

Елизавета Яковлевна много десятков лет (и до войны, и после приезда из эвакуации) служила до выхода на пенсию в облисполкоме старшей машинисткой и отличалась безукоризненной грамотностью и сумасшедшей скоростью печатания. Сам товарищ Никифоров, долгие годы – председатель Одесского облисполкома, все свои доклады и письма «наверх» доверял печатать только ей, говоря своим подчиненным: «Если Елизавета печатала, то и проверять нет нужды».

Августина Яковлевна, моя мама, успела до Октябрьского переворота окончить по процентной норме* в неполных шестнадцать лет женскую гимназию Масловой и Градской, которая располагалась в сохранившемся до наших дней двухэтажном здании на углу улиц Маразлиевской и Успенской, да не просто окончить, а с золотой медалью. Во как! Между прочим, классной дамой в мамином классе была будущая замечательная украинская актриса Лидия Владимировна Мациевская, народная артистка УССР. Мама

* Процентная норма для поступления в учебные заведения в царской России официально существовала для евреев.

поддерживала с ней очень теплые отношения вплоть до смерти Лидии Владимировны, последовавшей в декабре 1955 года.

Окончив инженерно-строительный институт, она работала начальником проектной конторы Облдоротдела, приблизительно такую же должность занимала в Петропавловске и Кокчетаве (Северный Казахстан), где мы находились в эвакуации, а по возвращении в Одессу оказалась на своем рабочем месте. Тогда, как и до войны, проектная контора размещалась в одноэтажном здании на Канатной, где сейчас находится какой-то «крутой» банк, напротив знаменитой «Свердловки».

В середине 50-х, когда проектная контора была расформирована, мама перешла в Облпроект, где проработала главным инженером проекта до выхода на пенсию. Дважды награждалась знаком «Почетный дорожник СССР». Одной из ее последних работ был проект облагораживания склонов в районе Ланжерона со знаменитыми теперь двумя шарами при входе на пляж.

Тогда я позволил себе выразить недоумение по поводу появления этих шаров, на что моя мудрая мамочка сказала с улыбкой: «Может быть, я до этого не доживу, но ты, сынок, обязательно застанешь время, когда возле этих шаров будут назначать свидания».

Будучи на пляже и слыша объявления типа «Мама, потерявшая ребенка! Ваш Сема ждет вас возле «двух шаров», я всегда мысленно произношу: «Спасибо, мама!»...

Эти сестры-погодки всегда были вместе, обе ушли из жизни на 84-м году, обе – весной, обе – в ночь с пятницы на субботу...

